

Дискуссии о теоретических аспектах военной доктрины
РККА по материалам военного совещания
при XI съезде РКП (б)

Тимофей В. Картавых

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, tkartarykb1238@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена обсуждению военной доктрины Красной армии в первой половине 1920-х гг. После победы в Гражданской войне остро встал вопрос о дальнейшем пути развития вооруженных сил пролетарского государства. Идея мировой революции предполагала распространение коммунизма по всему миру. Однако наступление Красной армии было остановлено под Варшавой, а революционные силы Европы потерпели поражение. Молодая Страна Советов была вынуждена занять оборонительную позицию. Тем не менее среди военно-политического руководства оставалось немало сторонников наступления. Военное совещание при XI съезде РКП (б) стало площадкой для дискуссий между М.В. Фрунзе, сформулировавшим идею наступательной «единой военной доктрины» и Л.Д. Троцким, который придерживался позиции обороны. Были поставлены вопросы о применимости марксизма в военной науке и необходимости формирования доктрины как таковой. М.В. Фрунзе и Л.Д. Троцкий использовали принципиально разные подходы к формированию стратегических концепций. Это, в свою очередь определяло разногласия во взглядах на пути будущего развития Красной армии. Автор приходит к выводу о значительном влиянии способа построения военной доктрины, на формирование основных принципов военной науки в СССР.

Ключевые слова: Красная армия, РККА, военная стратегия, XI съезд РКП (б), М.В. Фрунзе, М.Н. Тухачевский, Л.Д. Троцкий

Для цитирования: Картавых Т.В. Дискуссии о теоретических аспектах военной доктрины РККА по материалам военного совещания при XI съезде РКП (б) // Молодой историк. 2025. № 3. С. 142-157.

Discussions on the theoretical aspects of the military doctrine
of the Red Army following the military meeting
at the 11th Congress of the Russian Communist Party (B)

Timofey V. Kartavykh
*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, tkartavykh1238@mail.ru*

Abstract. This article is dedicated to the discussion of the military doctrine of the Red Army in the first half of the 1920s. After the victory in the Civil War, especially sharply there was a question of further developing the Soviet armed forces. The idea of the world revolution suggested spreading communism around the world. However, the Red Army's advance on Warsaw was stopped, and the revolutionary forces in Europe were defeated. The young Soviet country was forced to take a defensive position. Nevertheless, there were still many supporters of the offensive actions among the army and political leaders. The military meeting at the 11th Congress of the Russian Communist Party (B) became a platform for discussions between M.V. Frunze, who formulated the idea of an offensive "unified military doctrine" and L.D. Trotsky, who adhered to the position of strategic defense. Questions of the applicability of Marxism in military science were raised and doubts whether to develop the doctrine as such were expressed. M.V. Frunze and L.D. Trotsky used fundamentally different approaches how to formulate strategic concepts. This, in its turn, determined the differences in views on the future development of the Red Army. The author concludes that the method of constructing military doctrine had a significant impact on the formation of the basic principles of military science in the USSR.

Keywords: Red Army, military strategy, XI Congress of the Russian Communist Party (b), M.V. Frunze, M.N. Tukhachevsky, L.D. Trotsky

For citation: Kartavykh, T.V. (2025), “Discussions on the theoretical aspects of the military doctrine of the Red Army following the military meeting at the 11th Congress of the Russian Communist Party (B)”, *Young Historian*, no. 3, pp. 142-157.

Четкого видения облика будущей Красной армии в начале 1920-х гг. у военно-политического руководства СССР не было. Дискуссии о военном строительстве развернулись на всех уровнях военной теории – от стратегического до тактического. В рамках этих дискуссий сталкивались различные группы военных теоретиков, занимавших порой противоположные позиции по тем или иным вопросам.

Вопросы обороноспособности страны всегда имели и имеют особую важность. В связи с этим интерес к развитию РККА не угасает уже многие годы. В советский период исследователи сходились в высоких оценках отечественного военного искусства и достижений Красной армии. Тем не менее, в работах, написанных после XX съезда отмечалась слабость теоретической и практической подготовки в области обороны [Скоробогаткин 1968; Тюшкевич 1978]. Историки объясняли это особенностями кадровой политики И.В. Сталина. Во второй половине 1980-х – 1990-х гг. оценки изменились на более сдержанные. Все больше внимания уделялось ошибкам и упущенным возможностям [Кокошин 1995]. Причины неудач были теми же – репрессии в отношении наиболее талантливых военных и назначение на их места лояльных, но менее способных специалистов.

В современной историографии сохраняется сдержанно-положительная оценка общего развития РККА. Исследователи отмечают передовые наработки в области оперативного искусства и наступательных операций. Теория глубокого боя и глубокой операции считается одной из передовых в 1920–1930-е гг. Вместе с тем в вопросе обороны, особенно стратегической, советская военная теория имела ряд недоработок [Золотарев 2000]. Относительно «единой военной доктрины» исследователи

высказывают полярные мнения. Существуют как работы, в которых утверждается, что наступательная доктрина М.В. Фрунзе негативно повлияла на гибкость советской стратегии [Пасечник 2016], [Мошкин 2021], так и те, в которых подчёркивается её роль в создании массовой моторизированной и механизированной армии. [Олейников 2009], [Микляев 2018].

Место военной доктрины в развитии РККА было одним из важнейших. Вокруг этой проблемы разгорались споры. Первый импульс дискуссий о военной доктрине Красной Армии дал А.А. Свечин, представивший доклад «Военная доктрина», который был опубликован во втором номере журнала «Военное дело» за 1920 г. [Кокошин 1995, с. 35]. Автор отметил, что в области военной мысли царила интеллектуальная анархия. По мнению А.А. Свечина, военная мысль должна развернуться от чисто умозрительных спекуляций в сторону построения практико-ориентированной системы взглядов¹.

Полярные мнения относительно «единой военной доктрины» высказали М.В. Фрунзе² и Л.Д. Троцкий³. В общих чертах полемика сводится к вопросу о том, нужна ли Красной Армии «единая военная доктрина» и доктрина как таковая. М.В. Фрунзе утверждал, что в условиях современной войны любому государству жизненно необходима единая доктрина, т. е. четкий и определенный комплекс мер, который будет выполняться государственной машиной при подготовке и ведении войны. Он последовательно выступал за выработку пролетарской научной теории войны⁴. Л.Д. Троцкий, напротив, считал «мнимо-военное доктринёрство» пустым и бесполезным пережитком старого режима. Его позиция была ответом на «причитания о пользе доктрины». Оба оппонента критиковали старых военных

¹ Свечин А.А. Основы военной доктрины // Военное дело. 1920. № 2. С. 38–41.

² Фрунзе М.В. Единая военная доктрина и Красная армия // «Красная Новь». № 1. 1921. С. 94–106. Сайт «Милитера» («Военная литература»). URL: <http://militera.lib.ru/science/frunze1/01.html> (дата обращения: 27.05.2022.).

³ Троцкий Л.Д. Военная доктрина, или Мнимо-военное доктринёрство. Петроград, 1922. 52 с.

⁴ Десятый съезд РКП(б). 8 марта – 16 марта 1921 г. М., 1933. С. 681.

специалистов, но по разным пунктам. Л.Д. Троцкий – за доктринёрство, а М.В. Фрунзе – за его отсутствие.

На следующем XI съезде РКП(б) вопрос о «единой военной доктрине» был поднят вновь. Основным полем для дебатов по этому вопросу стало военное совещание при XI съезде РКП(б) весной 1922 г. На нем поочередно с изложением своих позиций выступили Троцкий и Фрунзе. Позицию Фрунзе поддерживали М.Н. Тухачевский (с некоторыми оговорками), С.М. Буденный, К.Е. Ворошилов. И вновь нарком по военным делам обрушился с критикой на сторонников внедрения марксизма в армию. Несмотря на то, что К. Маркс и Ф. Энгельс уделяли войне в исследованиях значительное внимание, их в большей степени интересовали социально-политические и экономические вопросы [Микляев 2018, с. 211]. Л.Д. Троцкий критиковал саму идею наличия военной доктрины. С его точки зрения, военная наука не является наукой в буквальном смысле слова – с законами и аксиомами, а является искусством – т. е. набором определённых навыков и умений, применяемых по необходимости. Л.Д. Троцкий считал, что армия должна действовать не исходя из некой догматичной идеи, а по ситуации, учитывая по возможности всевозможные факторы. Идеологическое обоснование военных приемов, по его мнению, является полной бессмыслицей, т.к. реальные условия никак не зависят от политических учений⁵. В целом разногласия между сторонами сводились к следующим пунктам:

1. Методологический вопрос. Он включал в себя положения о сущности военной науки и военной доктрины, о возможности и целесообразности внедрения марксизма в военную науку;
2. Военно-технический вопрос. Включал в себя варианты будущего развития РККА, концепции строительства вооружённых сил.

⁵ Основная военная задача момента. Дискуссия на тему о единой военной доктрине. Доклады т.т. Троцкого, Фрунзе и прения по ним. Стенографический отчет 2-го дня совещания военных делегатов XI-го Съезда Р. К. П. 1-го апреля 1922 г. М., 1922.
URL: <http://www.rkka.ru/analys/doktrin/main.htm> (дата обращения: 18.01.2025).

Как для этой, так и для практически всех последующих дискуссий неотъемлемым оставался фактор коммунистической идеологии. Степень ее влияния на военную науку, а также необходимость ее применения различные военные теоретики оценивали по-разному.

Советская военная теория исходила из того, что знание о происхождении войн, их характере и типах, законах и закономерностях ходе и исходе военных конфликтов диктует марксистско-ленинское учение [Павлушенко 2024, с. 91]. Марксизм в военной науке по М.В. Фрунзе – скорее идеологический, чем научно-методологический фактор. Л.Д. Троцкий вполне справедливо указывал, что элементы, присущие «пролетарской военной доктрине», существовали и существуют и в феодальных, и в буржуазных армиях⁶.

По иронии Л.Д. Троцкому удалось более удачно обозначить и сформулировать пролетарский характер РККА. С его точки зрения, ключевым фактором является не тактика, применяемая войсками, а цель, которая ставится перед вооружёнными силами⁷. Л.Д. Троцкий был очень едок в отношении критики своих оппонентов, в особенности, если дело касалось «корявых» формулировок. Прошелся он даже по маршалу Фердинанду Фошу: «Какие банальности и бессодержательности понимаются под основными принципами военного искусства, видно из торжественно цитируемых слов Фоша о том, что сущность современной войны заключается в том, чтобы, “найдя неприятельские армии, – уничтожить их, приняв для этого направление и тактику, приводящие к цели возможно скорее и вернее”. Чрезвычайно содержательно! Необыкновенно расширяет наш горизонт! В дополнение к этому остается лишь сказать, что сущность современных методов питания состоит в том, чтобы найти дырку рта, внести туда пищу и, разжевав ее с возможно меньшей затратой энергии, проглотить»⁸.

Марксизм, в понимании Л.Д. Троцкого, был применим к военной науке в той степени, в какой война являлась продолжением

⁶ Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 13–14.

⁷ Там же. С. 9–10.

⁸ Там же. С. 17.

политики. И если притягивать политическое учение к решению сугубо военных вопросов, по его мнению, было бессмысленно, то вопрос о природе военной доктрины и ее необходимости был не столь однозначен. С точки зрения Л.Д. Троцкого, наличие военной доктрины, ее устойчивость и относительная неизменность на протяжении десятилетий или даже веков обуславливается постоянством условий, в которых эта доктрина формируется⁹.

Например, Англия, по мнению Л.Д. Троцкого, обладала наиболее устойчивой стратегией в силу стабильного положения на мировой арене и политики «блестящей изоляции». Но тем не менее со вступлением в Антанту, а затем и участием в Первой мировой войне, британцы были вынуждены пересматривать свой подход к вооруженным силам. Таким образом, в начале XX в. из-за глобальных политических изменений и стремительного развития техники доктрина, как устойчивая программа действий, неизбежно становится пережитком прошлого.

Л.Д. Троцкий допускал возможность того, что при стабилизации политического климата национальные доктрины вновь могли появиться, но это означало бы конец революционной эпохи¹⁰. Такая позиция, по сути, не противоречит позиции М.В. Фрунзе. С его точки зрения, военная доктрина государства также определяется особенностями экономического, внутри- и внешнеполитического положения¹¹. Однако, в отличие от Л.Д. Троцкого, М.В. Фрунзе считал возможным и необходимым формирование и использование военной доктрины, даже несмотря на стремительно меняющуюся мировую обстановку¹².

При всем этом Л.Д. Троцкий – отнюдь не сторонник анархии и партизанщины в вооруженных силах. По его мнению, единство взглядов в выстраивании вооруженных сил необходимо. Это единство взглядов даже можно называть «военной

⁹ Там же. С. 18.

¹⁰ Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 16.

¹¹ Фрунзе М.В. Указ. соч. С. 94–106. Сайт «Милитера» («Военная литература») URL: <http://militera.lib.ru/science/frunze1/01.html> (дата обращения: 27.05.2022.).

¹² Там же.

доктриной», в самом термине нет ничего критичного¹³. Проблему Л.Д. Троцкий видит в наполнении и применении данного термина. Главными ошибками сторонников «военной доктрины» стали утверждения, что общего понимания роли Красной армии у советского руководства нет, и что предлагаемая «пролетарская доктрина» принципиально новая и несёт в себе глубоко классовую марксистскую природу¹⁴. Л.Д. Троцкий утверждал, что цели и задачи будущей Красной армии были сформулированы ещё до начала Гражданской войны¹⁵.

Таким образом, относительно определения сущности военной доктрины стороны пришли к относительному консенсусу, обозначив, что доктрина — это комплекс устойчивых военно-политических идей и связанных с ней стратегических директив. Дискуссия развернулась вокруг формулировок и попыток внедрения марксизма непосредственно в военную науку, объяснения военных вопросов с идеологической стороны. М.В. Фрунзе и его сторонники, по мнению Л.Д. Троцкого, находились в плену у буржуазной идеологии. Они стремились дать новые ответы на вопросы «как воевать» и «зачем воевать». Однако эти вопросы уже были решены, т.к. коммунистическая идеология уже декларировала свои цели, а РККА уже была организована по единому образцу¹⁶. Сторонники «единой военной доктрины» признавали наличие «неточностей, неясностей, недоговорок» в их интеллектуальных построениях¹⁷. Концептуально новая «единая военная доктрина» М.В. Фрунзе была попыткой заново сформировать и обосновать то, что уже было сделано. Противники «единой военной доктрины» не призывали к отказу от единства взглядов. Л.Д. Троцкий лишь призывал не изобретать то, что уже изобретено и не подводить идеологическое обоснование туда, где оно по определению не нужно.

¹³ Троцкий Л.Д. Указ. соч. 1922. С. 19–20.

¹⁴ Фрунзе М.В. Указ. соч. С. 94–106. Сайт «Милитера» («Военная литература») URL: <http://militera.lib.ru/science/frunze1/01.html> (дата обращения: 27.05.2022.).

¹⁵ Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 23.

¹⁶ Основная военная задача... URL: <http://www.rkka.ru/analys/doktrin/main.htm> (дата обращения: 18.01.2025).

¹⁷ Там же.

Ещё одним из значимых вопросов на повестке дня был вопрос о формах реализации «единой военной доктрины». Ещё в 1921 г. М.В. Фрунзе утверждал, что особая «пролетарская доктрина» неразрывно связана с наступлением. Если по вопросу необходимости наличия общепринятой концепции у руководства вооружёнными силами разногласий не было, то относительно непосредственного содержания этой концепции разгорелись ожесточённые споры. Столкнулись в отношении наступательной и оборонительной стратегии. Сторонники первого подхода опирались на опыт Парижской коммуны и интерпретацию К. Маркса. Вслед за основоположником марксизма М.В. Фрунзе полагал, что поражение коммунаров было обусловлено тем, что у руководства Парижской коммуны не хватило политической и военной решительности на наступление. Город, даже укреплённый со всех сторон, не был способен держать долговременную оборону, т.к. неизбежно испытывал нехватку продовольствия и резервов¹⁸. Таким образом, любой очаг пролетарской революции должен активно расширяться, ставить своей целью исключительно наступление, захват ресурсов, средств производства и т.д.

Их оппоненты рассматривали Республику Советов как на осаждённую крепость. РККА, выполнявшая согласно такой позиции роль гарнизона, должна быть подготовлена как к обороне, так и к «вылазкам». Ключевым фактором в формировании подобной позиции являлась политическая обстановка на мировой арене. Европейские пролетарские революции потерпели крах. Страна находится в международной изоляции, а экономическая ситуация оставляет желать лучшего. В таких условиях у Красной армии нет ни физической ни технической возможности вести хоть сколько-нибудь масштабные наступательные действия. Несмотря на то, что Л.Д. Троцкий до конца своей жизни продолжал отстаивать идею «перманентной революции», в этот период он занял сторону позиционного оборончества [Пасечник 2016 с. 359].

Сторонниками наступательной стратегии на XI съезде РКП(б) не раз высказывалась мысль о невозможности ведения позиционной войны в условиях нестабильного тыла. По мнению

¹⁸ Там же.

К.Е. Ворошилова и М.В. Фрунзе, революционные брожения в тылу предполагаемого противника не позволят ему осуществлять долговременные позиционные бои. В такой позиции отчетливо прослеживается эхо конца Первой мировой войны и революционных восстаний в Германии, Венгрии, Финляндии. Расчет на поддержку зарубежного пролетариата впоследствии станет одним из главных аргументов в пользу наступления. Именно в этот период формируется идея о том, что наступление Красной армии будет неизбежно поддержано восставшими рабочими.

А.Д. Троцкий был ярким противником «формализма» и «методизма» в действиях. В этом вопросе он никак не мог сойтись во взглядах с М.В. Фрунзе, который во многом опирался на опыт предыдущих войн. А.Д. Троцкий в спорах выступает скорее как политик. По выражению Я.С. Ярова, А.Д. Троцкий механически переносил формы политической полемики на военную почву. Политический термин заменялся военным, но код и приемы полемического упражнения оставались прежними [Яров 1998 с. 321–322]. М.В. Фрунзе был куда менее гибок и тем более заметно менее опытен в деле публичной полемики. Он был вынужден находиться в позиции обороняющегося, отказывался от неудачных формулировок, по сути, сводя на нет идеологическое обоснование своей доктрины. Тем не менее в главном, а именно в вопросе необходимости решительных наступательных действий М.В. Фрунзе оставался тверд.

Положительный опыт активных маневров и наступательных действий для М.В. Фрунзе и его сторонников был не только теоретическим, но и, как представляется, моральным фактором. Часто высказывались предположения, что будущие войны будут походить скорее на Гражданскую войну, чем на Первую мировую¹⁹. Успех действий красных командармов вселял, пусть и не всегда обоснованную, уверенность в правильности действий. Однако, помимо этого, Гражданская война действительно дала во многом уникальный для европейского театра боевых действий материал для анализа. В противоположность А.Д. Троцкому, указывавшему на заведомую невозможность применения уроков Гражданской

¹⁹ Основная военная задача... URL: <http://www.rkka.ru/analys/doktrin/main.htm> (дата обращения: 18.01.2025).

войны в будущих европейских конфликтах, сторонники наступления призывали к активному изучению опыта подвижных боевых действий [Олейников 2009, с. 259]. Таким образом, М.В. Фрунзе отстаивает идею не наступления ради наступления, хотя попытки идеологически обосновать его позицию могут сбить с толку. Наступление в доктрине Фрунзе – это способ решить исход войны в свою пользу, не дожидаясь удобного момента, а активно перехватывая инициативу, используя преимущества в скоординированности действий.

В 1922 г. практически всем было очевидно, что у Страны Советов и Красной армии не хватит сил и ресурсов на ведение наступательной войны²⁰. После поражения революционных движений в европейских странах в интересах Советского государства было установление мирных отношений с капиталистическими странами, даже ценой некоторых уступок²¹. Для Л.Д. Троцкого основным фактором являлась текущая задача. На начало 1920-х гг. таковой являлась защита завоеваний революции. Таким образом, оборонительная стратегия, по его мнению, являлась единственной стратегией, отвечающей интересам советского народа и Советского государства²². В политическом и военном смысле было необходимо обеспечить сохранность бастиона коммунизма, с минимальными потерями и наиболее эффективно подготовиться к следующей революционной волне. Чутко следить за изменениями на политической арене и подстраиваться под них. Так, Л.Д. Троцкий вновь выступает скорее в роли политика, для которого гибкость и умение подстраиваться под ситуацию более важно. Для М.В. Фрунзе и его сторонников – командиров, прошедших Гражданскую войну и победивших в ней, реальный опыт был заметно более значим.

В сущности, различие позиций Л.Д. Троцкого и М.В. Фрунзе заключалось в разнице методов. Л.Д. Троцкий шёл от частных вопросов к общим. Декларируя ключевую значимость

²⁰ Основная военная задача... URL:

<http://www.rkka.ru/analys/doktrin/main.htm> (дата обращения: 18.01.2025).

²¹ Там же.

²² Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 23.

проблем быта и тактики, он предлагал формировать глобальную цель развития вооруженных сил как сумму малых, насущных задач. В то же время М.В. Фрунзе двигался от общего к частному. С его точки зрения, военно-политическое руководство должно формировать и формулировать цели, которые необходимо решить, а вооруженные силы необходимо развивать исходя из уже поставленных задач. Принцип «оборончества» заключается в выражении: «делаем то, что можем делать». Он предполагает, во-первых, решение насущных задач на низовом уровне. Во-вторых, пассивность стратегии, отказ от решительных действий. Наиболее предпочтительной считается тактика, позволяющая добиться выгодного соотношения потерь и затраченных ресурсов. Оппоненты «оборонцев», противников «единой военной доктрины» придерживались иного принципа – «делаем то, что нужно делать». Таким образом, с их точки зрения, необходимо для начала сформулировать цель, и исходя из этой цели ставить конкретные задачи.

А.Д. Троцкий в некотором роде оказывается в русле европейского стратегического нигилизма. Он и его сторонники отрицают возможность глобального стратегического планирования. Пропоненты «оборончества» стремились к наиболее оптимальным действиям исходя из текущих условий²³. Такая стратегия требует гибкости. Неизбежная косность верховного командования не позволит своевременно и адекватно реагировать на быстро меняющуюся обстановку. При таком подходе «единая военная доктрина» не только вредна, но и слабо реализуема. А.Д. Троцкий, стремясь максимально подстроиться к текущей ситуации, неизбежно встает в позицию обороняющегося. Оборонительная позиция удобна, потому что против более сильного противника это наиболее разумная стратегия: практически невозможно будет добиться достаточного для наступления превосходства в силах, а против более слабого противника она позволит пользоваться преимуществом и накапливать силы для удара, не опасаясь наступления. В то же время такая аккуратная стратегия неизбежно ведёт к потере инициативы.

²³ Основная военная задача... URL:

<http://www.rkka.ru/analys/doktrin/main.htm> (дата обращения: 18.01.2025).

Л.Д. Троцкий не раз указывал на необходимость выждать подходящий момент для активных действий²⁴.

Стоит отметить, что в данном случае ключевым фактором является именно подход к построению военной стратегии. «Единая военная доктрина» – это не самоцель, несмотря на упрёки Л.Д. Троцкого, а средство, которое для «партии обороны» было ненужным и даже вредным, а для партии наступления – полезным и даже необходимым. Более того, и оборона, и наступление не были самоцелью ни для одной из сторон. Л.Д. Троцкий и те, кто был так или иначе солидарен с его позицией, отнюдь не отрицали необходимость и возможность наступления. Однако они указывали на то, что проводить его нужно в наиболее выгодный момент. Тогда как Фрунзе и «военные марксисты» не отказывались от обороны как тактического приёма. Тем не менее глобальной целью они видели расширение границ пролетарской революции, чего можно было добиться только стратегическим наступлением.

Едва ли можно говорить об исключительно военной составляющей дискуссии о военной доктрине. Политизация всех сфер общественной жизни не могла не затронуть вооруженные силы. В дальнейшем, успех и карьерный рост командиров РККА зачастую определялся не практическими умениями или теоретической подкованностью, а лояльностью и приверженностью генеральной линии партии.

Л.Д. Троцкий, проиграв партийную борьбу, начал терять влияние, а вместе с ним и посты. 14 января 1924 г. ЦК РКП(б) образует специальную комиссию для оценки состояния Красной Армии. Председателем комиссии был назначен М.В. Фрунзе. Пленум ЦК, на котором М.В. Фрунзе доложил об итогах работы комиссии, признал нецелесообразным дальнейшее пребывание Л.Д. Троцкого в Революционном военном совете СССР, чем предопределил снятие его с постов наркомвоенмора и председателя РВС СССР постановлением Президиума ЦИК СССР от 26 января 1925 г. На оба освободившихся поста был назначен М.В. Фрунзе, а К.Е. Ворошилов – тоже сторонник «пролетарской военной доктрины» – его заместителем [Мошкин 2012, с. 93–95].

²⁴ Там же.

Одновременно в армии развернулось широкомасштабное обновление командных кадров. Л.Д. Троцкий, потерпев политическое поражение, лишился возможности существенно влиять на военный вопрос. За несколько месяцев Фрунзе сменил почти половину членов РВС СССР. При этом он не только не отказался от лозунга революционной наступательной войны, но и отстаивал его необходимость в военной пропаганде [Мошкин с. 93–95]. Вопрос о политической подготовке командиров был крайне важен в рамках сохранения партийного контроля над вооружёнными силами. Советскому руководству удалось обеспечить необходимый удельный вес коммунистической прослойки. К 1924 г. чуть менее трети командиров были коммунистами [Мухин 2022, с. 32–33].

Тем не менее дискуссии о военной стратегии не прекратились. Несмотря на то, что сторонники «единой военной доктрины» заметно увеличили свое влияние, в 1920-е гг. военная наука оставалась относительно открытой для обсуждений. И если вопрос о необходимости выработки военной стратегии можно было считать решенным, то консенсус относительно того, какой должна была быть стратегия, не был достигнут.

ЛИТЕРАТУРА

- Золотарев 2000 – История военной стратегии России / Под ред. В.А. Золотарева Москва: Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000. 592 с.
- Кокошин 1995 – Кокошин А.А. Армия и политика. Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль, 1918–1991 годы. М.: Международные отношения, 1995. 285 с.
- Микляев 2018 – Микляев В.А. Вклад марксизма в мировую военно-философскую мысль // Марксизм и современность: альтернативы XXI века. Материалы международной научной конференции. Сер. «Социально-гуманитарные исследования учёных Донбасса». Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2018. С. 207–211.
- Мошкин 2021 – Мошкин С.В. «Военные марксисты» против Троцкого // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2012. Том 8. № 4. С. 84–99.

- Мухин 2022 – Мухин М.Ю. Военная реформа 1924–1928 гг. В СССР // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2022. № 1. С. 28–43.
- Олейников 2009 – Олейников И.В. М.В. Фрунзе и создание военной доктрины Красной армии // Вопросы гуманитарных наук. 2009. № 6. С. 257–261.
- Павлушенко 2024 – Павлушенко М.И. Взаимосвязь военной теории, военной науки и военной мысли в военном деле // Вестник НИЦ ВА РВСН. 2024. № 7. С. 88–95.
- Пасечник 2016 – Пасечник А.В. Концептуализация военной доктрины РККА в начале 1920-х гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2016. Т. 16. № 3. С. 357–360.
- Скоробогаткин 1968 – Скоробогаткин К. 50 лет Вооруженных Сил СССР. М.: Воениздат, 1968. 584 с.
- Тюшкевич 1978 – Тюшкевич С.А., Зверев Б.И., Кораблев Ю.И. и др. Советские Вооруженные Силы: История строительства. М.: Воениздат, 1978. 516 с.
- Яров 1998 – Яров Я.С. Владимир Триандафиллов и его дело // Новый часовой: Русский военно-исторический журнал. 1998. № 6–7. С. 320–330.

REFERENCES

- Kokoshin, A.A. (1995), *Armija i politika. Sovetskaya voenno-politicheseskaya i voenno-strategicheskaya mysl', 1918–1991 gody* [Army and Politics. Soviet military-political and military-strategic thought, 1918–1991], International relationships, Moscow, Russia.
- Miklyaeв, V.A. (2018), “The contribution of Marxism to world military philosophical thought”, In *Marxism and modernity: alternatives of the XXI century. Materials of the international scientific conference. Ser. “Social and humanitarian studies of Donbass scientists”*, Donetsk National Technical University, Donetsk, pp. 207–211.
- Moshkin, S.V. (2012), “Military Marxists against Trotsky”, *Political expertise: POLITEX*, vol. 4, no. 8, pp. 84–99.
- Mukhin, M.Y. (2022), “Military reform of 1924–1928. In the USSR”, *TvSU Bulletin. The “History” Series*, vol. 1, pp. 28–43.

- Oleynikov, I.V. (2009), "M.V. Frunze and the creation of the military doctrine of the Red Army", *Questions of the humanities*, vol. 6, pp. 257–261.
- Pasechnik, A.V. (2016), "Conceptualization of the military doctrine of the Red Army in the early 1920s", *Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Sociology. Political science*, vol. 3, pp. 357–360.
- Pavlushenko, M.I. (2024), "The interrelation of military theory, military science and military thought in military affairs", *Bulletin of the Scientific Research Center of the Strategic Missile Forces*, vol. 7, pp. 88–95.
- Skorobogatkin, K. (1968), *50 let Vooruzhennykh Sil SSSR* [50 years of the Armed Forces of the USSR], Voenizdat, Moscow, Russia.
- Tyushkevich, S.A., Zverev, B.I., Korablev, Y.I. and others (1978), *Sovetskie Vooruzhennye Sily: Istoriya stroitelstva* [The Soviet Armed Forces: The History of construction], Voenizdat, Moscow, Russia.
- Yarov, Y.S. (1998), "Vladimir Triandafilov and his work", *New sentry: Russian Military Historical Journal*, vol. 6–7, pp. 320–330.
- Zolotarev, V.A. (ed.) (2000), *Istoriya voennoi strategii Rossii*, Kuchkovo Pole; Polygraph Resources, Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тимофей В. Картавых, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Мнусская пл., 6; tkartavykh1238@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Timofey V. Kartavykh, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 125993, Russia, Moscow, Miusskaya pl., 6; tkartavykh1238@mail.ru